

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-48-61

Япония и страны-члены ШОС: новые контуры энергетического сотрудничества

К.А. Корнеев

Аннотация. Япония традиционно выстраивала свою энергетическую политику в отношении России и стран Центральной Азии, опираясь на сырьевой характер их экспорта; к тому же, это отвечало потребностям Японии, практически полностью лишённой собственных первичных энергоресурсов и минералов. Целенаправленно применялся принцип «ресурсной дипломатии», или такой формат торгово-экономических отношений, когда взамен японских вложений в отдельные сектора экономики и энергетики, либо японской официальной помощи в целях развития, заключались твёрдые контракты на поставку углеводородов со значительными скидками к текущим ценам на мировом рынке. Однако институционализация экономического сотрудничества на постсоветском пространстве в рамках ЕАЭС и ШОС привела к тому, что Япония стала «третьей стороной» для стран, вступивших в эти структуры, что усложнило и расширило систему взаимодействия Токио с правительствами России, Казахстана, Узбекистана, Киргизии. Сегодня постепенно формируются новые контуры энергетической кооперации, подразумевающие не только торговлю энергоресурсами, но и строительство транспортной энергетической инфраструктуры, интерес к возобновляемой энергетике (Россия и страны Центральной Азии обладают подходящими природно-климатическими условиями для её развития), обсуждение совместных проектов в сфере новых альтернативных видов энергии, к которым относится водород. Что касается принципов энергетического взаимодействия Японии с Индией и Китаем, также ресурсодефицитными странами, то основной акцент делается на поставки энергетического и транспортного оборудования из Японии, а также инвестиции японских компаний в строительство различной энергетической инфраструктуры. Объединение России, Китая, Индии, Казахстана, Киргизии, Пакистана, Таджикистана и Узбекистана в рамках ШОС в значительной мере повышает их международный авторитет, что способствует проведению более независимой и взвешенной внешнеторговой политики.

Ключевые слова: Япония, Шанхайская организация сотрудничества, новые направления энергетического сотрудничества, энергетическая политика.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: korneev@ifes-ras.ru

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта «Проектные научные коллективы РГГУ» № 2021-1-2 под названием «Трансформация энергетических рынков стран-членов ШОС на современном этапе: возможности для России».

Для цитирования: Корнеев К.А. Япония и страны-члены ШОС: новые контуры энергетического сотрудничества // Японские исследования. 2021. № 4. С. 48–61. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-48-61

Japan and the SCO member states: New shapes of energy cooperation

K.A. Korneev

Abstract. Japan has traditionally built its energy policy towards Russia and the countries of Central Asia by relying on the raw materials nature of their exports; moreover, such situation met the needs of Japan, which suffers from a significant lack of its own primary energy resources and minerals. It applied the principle of “resource diplomacy” – a bilateral format of trade and economic relations, according to which, in exchange for Japanese investments in certain economic and energy sectors (including Japanese official development assistance), firm contracts to supply hydrocarbons with appreciable discounts compared to current prices in the world market were concluded. However, the institutionalization of economic cooperation in the post-Soviet space within the framework of the EAEU and the SCO led to the fact that Japan became a “third party” for the countries that joined these structures. Eventually, it complicated and expanded the system of Tokyo’s interaction with the governments of Russia, Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan. Today, new contours of energy cooperation are gradually forming, involving not only trade in energy resources, but also the development of transport energy infrastructure, interest in renewable energy (Russia and the Central Asian countries have suitable natural and climatic conditions for its development), discussions on joint projects in the field of new alternative types of energy, for example, hydrogen energy. As for the principles of Japan’s energy cooperation with India and China, which also belong to resource-deficient countries, the main emphasis is put on the supply of energy and transport equipment from Japan, as well as investments by Japanese companies in the construction of various energy infrastructure. The unification of Russia, China, India, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Pakistan, Tajikistan, and Uzbekistan within the SCO significantly increases their international authority and helps them to conduct a more independent and balanced foreign trade policy.

Keywords: Japan, Shanghai Cooperation Organization, new directions of energy cooperation, energy policy.

Author: Korneev Konstantin A., PhD (History), senior researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: k_korneev@mail.ru

Acknowledgements. This article was written under the funding of Russian State University for the Humanities “project scientific collectives” (grant no. 2021-1-2) by the name “Transformation of the SCO Member States Energy Markets at Present Stage: Possibilities for Russia”.

For citation: Korneev K.A. (2021). Yaponiya i strany-chleny ShOS: novyye kontury energeticheskogo sotrudnichestva [Japan and the SCO member states: New shapes of energy cooperation]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 48–61. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-48-61

Введение

В настоящее время перед Японией остро стоит задача диверсификации энергетического импорта за счёт расширения сотрудничества, в том числе и с отдельными государствами-членами ШОС, преимущественно из центральноазиатского региона. Поскольку сама Организация не имеет наднациональных органов управления и позиционирует себя больше как геостратегическое объединение независимых стран-членов, внешняя экономическая

политика которых вовсе не придерживается единого русла, это создаёт предпосылки восприятия японскими компаниями ШОС. Тем не менее, Россия и государства Центральной Азии представляют для Токио немалый интерес, поскольку рассматриваются как поставщики энергоресурсов, благодаря которым снизится зависимость от стран Персидского залива, региона, геополитически нестабильного и мало предсказуемого с точки зрения долгосрочных энергетических контрактов. Значение Китая, Индии и Пакистана в другом – они представляют собой крупные рынки сбыта для японских энергетических технологий, промышленной продукции, материалов и оборудования.

В настоящее время происходит существенная трансформация энергетических рынков стран-членов ШОС, вызванная не только активизацией проектов евразийской экономической интеграции (ЕАЭС, китайская инициатива «Один пояс, один путь»), но и глобальным продвижением «зелёной энергетики» в самом широком смысле этого слова. Ведущие державы Евросоюза и Восточной Азии, входящие в число ключевых импортёров энергоресурсов из России и государств Центральной Азии, приняли программы по переходу к низкоуглеродной экономике в течение 20–30 лет. Такие программы подразумевают максимально возможное снижение «углеродного следа» в промышленности, строительстве, на транспорте, в коммерческом и коммунально-бытовом секторах за счёт внедрения новых технологий энергосбережения и тотального доминирования в структуре энергоснабжения возобновляемых источников энергии.

Конечно, пока сложно говорить, насколько эффективным окажется данный низкоуглеродный транзит, однако сама постановка вопроса является серьёзным вызовом для стран-экспортёров первичной энергии, заставляя их обращать внимание на иные сектора энергетики, помимо добывающей промышленности. В связи с этим исследование существующих форматов энергетического сотрудничества на пространстве ШОС, включая новые направления энергетической кооперации стран-членов Организации с Японией, а также выделение общих принципов реализации энергетической политики Японии в направлении государств, составляющих в настоящий момент времени пространство ШОС, выглядят своевременными и актуальными.

Необходимо отметить, что в отечественной и зарубежной литературе уделяется достаточно много внимания раскрытию целей и задач энергетической политики Японии в отношении отдельных государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, однако несколько не хватает обобщающего, агрегированного подхода, который бы учитывал тенденции и закономерности, а также многофакторный характер процесса реализации японской энергетической политики на евразийском пространстве. Настоящая статья стремится заполнить эту нишу и ответить на вопрос, в какой мере Япония заинтересована в усилении своего присутствия на энергетических рынках стран-членов ШОС и как практически осуществляются имеющиеся планы.

Следует выделить несколько русскоязычных авторов, которые в определённой степени рассматривают торгово-экономическую и энергетическую проблематику взаимодействия Японии с государствами евразийского пространства в XXI веке. В работах Добринской О.А. (ИВ РАН) раскрывается сущность политики «мягкой силы» Японии в Центральной Азии, Киреева А.А. (МГИМО) рассматривает комплексные вопросы эволюции японо-китайских отношений, важный вклад вносят аналитические материалы Мамадзимова А. (Таджикский Национальный Университет), посвящённые развитию японского формата «С5 + 1» в

отношении центральноазиатских государств. Перспективы Японии в Шанхайской организации сотрудничества были рассмотрены в одной из статей Нургалиева М. (Японский институт международных отношений, Токио), а характер энергетической кооперации Японии с Индией и Пакистаном изучается в работах Печищевой Л.А. (РГГУ). Долгосрочные факторы развития российско-японских отношений являются предметом исследования Стрельцова Д.В. (МГИМО); также существенный вклад в освещение ряда аспектов, смежных с темой настоящей статьи, вносят работы Кистанова В.О. и Казакова О.И. (ИДВ РАН), Мищенко Я.В. (ИДВ РАН, МГУ), Лебедевой И.П. и Нелидова В.В. (ИВ РАН).

Материалов на английском языке довольно много, поэтому имеет смысл упомянуть лишь тех авторов, труды которых использовались непосредственно при написании статьи. Это Murashkin N. (Griffith Asia Institute), Abbas N. (EastWest Institute), Kennedy S. and Goodman M. (Center for Strategic and International Studies), Xie Z. (Asian Development Bank Institute), Dadabaev T. and Djalilova N. (University of Tsukuba). В основном перечисленные авторы концентрируют внимание на японо-китайской и японо-центральноазиатской актуальной энергетической повестке, а также на общем значении региона Центральной Азии как арены геэкономической конкуренции между крупными державами в XXI веке. Тем не менее и в этих материалах присутствует фрагментированное представление о японской энергетической политике на евразийском пространстве.

Энергетическое сотрудничество на пространстве ШОС с участием Японии

Шанхайская организация сотрудничества была создана в 2001 г. и прочно заняла нишу влиятельного международного геостратегического объединения евразийского характера. Естественно, страны, вошедшие в состав Организации, преследовали различные цели, но их объединяло общее стремление войти в число держав, вовлечённых в принятие важных решений на глобальном уровне вообще и в Азии в частности. Япония практически сразу сформировала повестку в отношении стран-членов ШОС; предполагалось даже, что Япония могла бы выступить посредником в развитии отношений ШОС с другими региональными структурами, ставящими перед собой схожие задачи развития [Нургалиев 2009, с. 115]. Ещё в 1997 г. премьер-министр Японии Рютаро Хасимото предложил внешнеполитическую концепцию «Евразийской дипломатии», направленную на укрепление взаимного доверия с Россией, Китаем и государствами Центральной Азии, экономическое сотрудничество во имя процветания и консультации в целях развития демократии и поддержания политической стабильности. В конце 1990-х гг. это предложение было встречено позитивно как в самой Японии, так и в странах-адресатах.

Но к 2004 г. стало очевидно, что Россия и Китай постепенно укрепляют свои позиции в азиатском регионе и начинают претендовать на региональное лидерство. В качестве противовеса их растущему влиянию Япония инициировала новый формат сотрудничества «Центральная Азия + Япония» или «С5 + 1». Предлагался целый пакет мер по углублению японо-центральноазиатских связей, включая финансовую поддержку молодых республик ЦА в ситуации, когда они активно ищут своё место в формирующейся новой азиатской геополитической реальности. Важное место в рамках формата «С5 + 1» отводилось и вопросам энергетики – Япония не скрывала заинтересованности в разработке нефтяных месторождений в Казахстане и газовых – в Узбекистане.

Следует отметить, что сам по себе комплексный подход к выстраиванию внешнеполитических и внешнеэкономических отношений с государствами Центральной Азии оказался эффективным. В конце 2000-х гг. на похожие принципы взаимодействия с Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Казахстаном и Киргизией перешла Республика Корея, запустив международную площадку под названием «Форум сотрудничества Центральная Азия + Республика Корея». К аналогичной политике вскоре пришли и США – сначала была предложена идея «Большой Центральной Азии», а в середине 2010-х гг. организована целая серия саммитов с участием правительств центральноазиатских республик под общей вывеской «Партнёрства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии» [Мамадазимов 2021].

Что касается Японии, то особого развития предложенный ею формат не получил, хоть и обрёл международное признание. Сыграло свою роль «периферийное» восприятие Центральной Азии как направления для японской внешнеэкономической политики – основной акцент в 2000-е гг. делался на новый этап развития внешнеторговых связей со странами АСЕАН с помощью заключения соглашений о свободной торговле. К тому же всё более активно в центральноазиатском регионе действовали Китай и Россия. Первый подписал несколько крупных контрактов с Узбекистаном, Казахстаном и Туркменистаном на поставки энергоресурсов при условии китайских инвестиций в строительство соответствующей транспортной инфраструктуры (в первую очередь – трубопроводов). Вторая же стала больше внимания уделять развитию экономической интеграции в рамках Евразийского экономического сообщества (2001–2014 гг.), которое в 2015 г. было реформировано в Евразийский экономический союз.

В начале-середине 2010-х гг. произошёл очередной виток интереса Японии к центральноазиатскому региону. На первый план вышла концепция «мягкой силы» – а именно, достижение внешнеполитических целей путём формирования положительного образа Японии с использованием различных инструментов, в основном социокультурного плана. Для этого предполагалось финансирование проектов в сфере культуры и индустрии развлечений со стороны Японии, чтобы через знакомство граждан центральноазиатских республик как с традиционными японскими ценностями, так и с современной массовой культурой вывести Японию в число стран, расширение сотрудничества с которыми будет однозначно восприниматься как благо [Добринская 2018, с. 12].

Однако этот подход оказал благоприятный эффект и на энергетику. Консорциум японских компаний ещё в 1997 г. приобрёл 8 % акций нефтегазового месторождения Кашаган на казахстанском шельфе Каспийского моря, извлекаемые запасы которого составляют более 2 млрд т. Но активная разработка в рамках инвестиционных соглашений стартовала в конце 2000-х гг. Общая стоимость освоения Кашагана оценивается в 28 млрд долл. США, и японский консорциум готов вложить ориентировочно 3 млрд долл. Эксплуатация месторождения началась в сентябре 2013 г., однако из-за проблем с надёжностью трубопроводной системы была остановлена и возобновлена только в 2016 г. Пока объёмы добычи серьёзно отстают от целевых – в 2019 г. было извлечено 14 млн т нефти, хотя изначально планировалось в два раза больше. Также японские компании приобрели долю в проекте строительства трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан, который считается важной альтернативой системе трубопроводов, существующей в регионе ещё с

советских времён, либо построенных в 2000-е гг. при непосредственном участии Китая [Ивахненко 2020].

Япония стремится развивать энергетическое сотрудничество и с Узбекистаном. Эта страна богата природным газом, но не имеет выхода к морям, поэтому экспорт пока идёт исключительно в сопредельные страны (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан) по трубопроводам. Следует отметить, что в Узбекистане есть богатые залежи урана и редкоземельных металлов, что вызывает интерес со стороны японских компаний. Однако возможна и совместная разработка новых месторождений природного газа – такой вариант обсуждался во время визита президента Узбекистана в Японию в 2019 г. По итогам переговоров был представлен проект модернизации газотранспортной системы Узбекистана с привлечением 1,5 млрд долл. японских инвестиций [Кадилова 2020]. В целом правительство и бизнес-сообщество Узбекистана готовы расширять сотрудничество с Японией и положительно воспринимают её в качестве долгосрочного партнёра – несомненно, это во многом заслуга японской политики «мягкой силы».

Киргизия и Таджикистан в настоящее время не входят в орбиту внешней энергетической политики Японии, поскольку запасов первичных энергоресурсов у них мало. Тем не менее Токио также реализует в отношении этих стран концепцию «мягкой силы», предоставляя им финансирование на нужды развития транспортной и социальной инфраструктуры, медицины, культуры, образования. Конечно, разница очевидна – в 2015 г. в результате поездки Синдзо Абэ по центральноазиатским государствам с Узбекистаном были подписаны предварительные контракты на сумму 8,5 млрд долл., а с Киргизией и Таджикистаном – на суммы 120 млн и 7,5 млн долл. соответственно [Murashkin 2019, p. 26].

Энергетическая политика Японии в отношении Индии выстраивается с учётом огромной ёмкости индийского рынка для экспорта японских технологий. Японские компании участвуют в строительстве промышленного коридора Дели – Мумбаи, занимаясь сооружением современной энергетической и транспортной инфраструктуры. Объём привлекаемых инвестиций – порядка 100 млрд долл., работы ведутся с 2007 г. Около 30 % этого объёма до конца 2020-х гг. согласился предоставить Японский банк международного сотрудничества. Японский бизнес также заинтересован и в развитии возобновляемой энергетики в Индии. С середины 2010-х гг. ведётся строительство нескольких ВЭС и СЭС на территории страны по японским технологиям. Что касается Пакистана, то основные японские инвестиции идут в развитие сети автосборочных предприятий, энергетика не играет заметной роли. Но в 2015–2016 гг. сообщалось о планах японской компании Marubeni по строительству нескольких теплоцентралей в пакистанской столичной агломерации, обсуждались и совместные проекты в сфере ВИЭ. Впрочем, достоверной информации о том, идёт ли их реализация, нет [Печищева, Корнеев 2021, с. 143].

Статус России как важного энергетического партнёра Японии не меняется на протяжении полутора десятилетий, с момента ввода в эксплуатацию нефтегазовых проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2». России отводится роль поставщика, способного внести существенный вклад в диверсификацию направлений японского импорта энергоресурсов, поскольку в настоящий момент до 90 % требуемой стране нефти и до 20 % природного газа закупается в странах Персидского залива. Тем не менее суммарная доля России в японском импорте энергоресурсов не превышает 8 %, что обусловливается в основном политическими причинами – то есть условной ориентацией стран на разные геостратегические лагеря. Но

сотрудничество развивается. В июне 2019 г. консорциум японских компаний приобрёл 10 % акций проекта «Арктик СПГ-2» (оператор – компания НОВАТЭК). Ежегодный объём производства составит 19,8 млн т СПГ в год, а первые поставки в Японию должны осуществиться в 2023 г. Есть и продолжение сахалинских проектов – речь идёт о планах по строительству там нового завода по сжижению природного газа мощностью в 6,2 млн т, что в перспективе обеспечит порядка 10 % потребности Японии в природном газе. Инвестиционная ёмкость – около 9 млрд долл., а соглашение о создании совместного предприятия может быть подписано уже в 2021 г. [Стрельцов 2020, с. 76].

Япония с конца 1980-х гг. покупала в Китае небольшие объёмы угля – примерно 3–5 млн т ежегодно. Однако с середины 2010-х гг. эта практика практически сошла на нет, что не отменяет одного факта: Китай остаётся для Японии крупнейшим торговым партнёром, на него приходится 19 % японского экспорта и 22 % импорта. В энергетической сфере преобладает высокотехнологичное сотрудничество – японские компании поставляют оборудование для строительства ВЭС и СЭС в Китае, строят «традиционные» топливные электростанции, участвуют в модернизации электросетевой инфраструктуры китайских мегаполисов. С 2017 г. наблюдается потепление в японо-китайских отношениях после нескольких лет взаимных упреков и противоречий; тем не менее на международной арене страны являются скорее конкурентами, чем партнёрами, и это в значительной мере препятствует углублению энергетического сотрудничества [Киреева 2020, с. 23]. К тому же китайская промышленность сегодня способна на 80 % обеспечивать страну современным оборудованием, и рыночные ниши для японских компаний постепенно сужаются.

Следует признать, что Япония выстраивает свою энергетическую политику на основе двусторонних отношений со странами-членами ШОС, однако предпринимаются и попытки выработки общего подхода, в числе которых можно отметить формат «С5 + 1» и политику «мягкой силы», опирающуюся на социокультурный фундамент, но с далеко идущими целями торгово-экономического характера.

Новые направления энергетической политики Японии на пространстве ШОС

Китай по-прежнему остаётся главным экспортным рынком для стран Центральной Азии. У этих государств недостаточно собственных средств, чтобы вкладывать их в строительство сети нефте- и газопроводов, что и обуславливает развитие совместных с Китаем проектов в данной сфере. Следует ещё раз отметить, что центральноазиатские республики богаты сырьевыми ресурсами (в контексте ШОС речь идёт о Казахстане и Узбекистане). Разведанные запасы нефти на территории Казахстана составляют около 4 млрд т, на территории Узбекистана – 1 млрд т. Недр Казахстана содержат около 1 трлн м³ природного газа, Узбекистана – 1,2 трлн м³, и это ещё не все подтверждённые запасы [Statistical Review 2020, p. 14–19]. Поэтому Казахстан и Узбекистан вызывают повышенный интерес со стороны нефтегазовых корпораций Китая, а дополнительным фактором служит и удобное расположение центральноазиатских государств у границ КНР.

Если говорить о потенциальном экспорте в Японию, то есть две серьёзные преграды на этом пути. Во-первых, отсутствие у центральноазиатских республик выхода к Тихому океану, что стильно затрудняет логистику. В настоящее время Казахстан поставляет в Японию около 2,5 млн т сырой нефти в год, но маршрут достаточно сложен – сначала

необходимо транспортировать нефть через мощности Каспийского трубопроводного консорциума в порт Новороссийск, а затем морем – в Японию [Abdullayeva, Kambaliyev 2021]. Здесь находится и вторая преграда – зависимость стран Центральной Азии от российской энергетической инфраструктуры. Альтернативные пути сегодня фактически отсутствуют, и в случае серьёзного охлаждения российско-японских отношений поставки из Казахстана могут прекратиться – например, Россия по обоюдному согласию выкупит у Казахстана прописанные в контрактах объёмы поставок в Японию и перенаправит нефть другим потребителям, скорее всего, в Китае.

В связи с этим рассматриваются иные варианты энергетического сотрудничества Японии с центральноазиатскими республиками, которые не столь сильно зависят от внешних обстоятельств и обеспечиваются лишь интенсивностью и глубиной двусторонних отношений. Помимо общих планов по строительству нескольких ВЭС и СЭС на территории Киргизии примерной установленной мощностью 5–10 МВт, можно перечислить ряд проектов. Сразу необходимо отметить, что в основном они касаются модернизации существующей энергетической инфраструктуры. Это актуально для всех стран центральноазиатского региона, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества, но в наибольшей степени японские технологии получают Узбекистан и Казахстан. Например, компании из Японии участвовали в процессе комплексной модернизации Навоийской ТЭС в Узбекистане (суммарной стоимостью 1,2 млрд долл.), от них требовалась установка второй газовой турбины комбинированного цикла мощностью 450 МВт. Проект был успешно завершён в 2018 г. Кроме того, на территории Узбекистана японскими компаниями Marubeni и Itochu в рамках контакта с узбекским правительством на суммы 480 и 600 млн долл. соответственно ведётся геологоразведка урановых месторождений с целью последующей добычи урана для нужд японской атомной энергетики [Dadabaev, Djalilova 2021, p. 120].

Также в 2015 г. Mitsubishi Heavy Industries подписала соглашение о строительстве завода по производству удобрений из природного газа в Узбекистане, а представители корпорации Toshiba не раз заявляли о намерениях предоставить свои технологии для строительства атомных электростанций в Казахстане [Abbas 2015]. Однако эти проекты пока остаются на бумаге. Наоборот, в начале сентября 2021 г. во время проведения Восточного экономического форума (ВЭФ) в г. Владивосток президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев заявил о готовности Казахстана к строительству АЭС по российским технологиям и с привлечением российских специалистов [Ишекенова 2021].

В отличие от стран Центральной Азии, новые формы энергетического сотрудничества Японии с Индией представлены куда более широким спектром. По итогам работы 6-го Индийско-японского межправительственного энергетического саммита (диалога) в 2012 г. было объявлено о привлечении японских компаний к строительству так называемых солнечных городов в Индии – иными словами, населённых пунктов, которые будут снабжаться электроэнергией от СЭС. Цель – сократить на 10 % национальный спрос на ископаемые источники энергии в течение 5 лет. Известно, что строительство нескольких таких городов началось, однако в настоящее время будущее этой дорогостоящей программы под вопросом. Тем не менее за 2010–2020 гг. Япония предоставила Индии по линии ОПР более чем 3 млрд долл., предназначенных для развития инфраструктуры возобновляемых источников энергии [Japan Bank for International Cooperation 2021].

В 2019 г. стороны заключили инвестиционное соглашение на сумму 250 млн долл. на сооружение гидроаккумулирующей электростанции (ГАЭС) мощностью 1 ГВт в округе Пурулия, штат Западная Бенгалия. Строительство на основе японских технологий должно быть завершено к 2027 г. Также к середине 2020-х гг. планируется сдача в эксплуатацию крупного парка СЭС суммарной установленной мощностью 350 МВт в округе Курнул, штат Андхра-Прадеш, строящегося усилиями совместного японо-индийского консорциума SBG Cleantech. Активно развивается и сотрудничество в области новых энергетических технологий (например, варианты производства «зелёного» водорода на территории Индии с последующими поставками в Японию), регулярно организуются профессиональные обмены, научные семинары и обучение студентов из Индии в японских высших учебных заведениях [Renewable Energy Industry in India 2021].

На фоне Индии новые направления энергетического сотрудничества с Пакистаном практически отсутствуют. В 1990-е и 2000-е гг. при помощи японских технологий и инвестиций в Пакистане было построено около 2 ГВт мощностей угольной генерации. В дальнейшем сотрудничество в основном развивалось в рамках предоставления Японией ОПР на различные инфраструктурные проекты, в том числе и в энергетике. В середине 2010-х гг. разрабатывался проект строительства гидроэлектростанции на территории Пакистана, также были планы по модернизации электросетевой инфраструктуры страны под руководством специалистов из Японии. Обсуждались и планы по сооружению предприятий нефте- и газохимии в Пакистане, но без конкретных сроков и целей [Japan's Assistance 2012].

В отношении России японская энергетическая политика носит достаточно противоречивый характер, если рассматривать её через призму инновационного сотрудничества. С одной стороны, Россия по-прежнему важна для Японии как поставщик первичных энергоресурсов, поэтому, несмотря на внешнеполитические разногласия, японские корпорации инвестируют в разработку российских газовых и нефтяных месторождений. С другой стороны, богатые гидроэнергетические ресурсы и подходящие для развития солнечной и ветряной энергетики природно-климатические условия делают привлекательным и совместный бизнес в сфере ВИЭ. Первый пример успешного взаимодействия в этом направлении – строительство ветродизельного комплекса (ВДК) мощностью 3,9 МВт в посёлке Тикси (Якутия) отечественной компанией «РусГидро» и японской Организацией по развитию новых энергетических и промышленных технологий (NEDO). Этот комплекс состоит из ВЭС мощностью 0,9 МВт, дизельной электростанции мощностью 3 МВт и системы аккумулирования электроэнергии. После того как японские компании Komai Haltec, Такаока Токо и Mitsu завершат в условиях Крайнего Севера испытания комплекса, он будет безвозмездно передан российской стороне. В Токио видят этот проект как демонстрацию возможностей Японии по обеспечению энергоснабжения населённых пунктов вдоль Северного морского пути [Константинов 2021].

Следует отметить, что, начиная с 2016 г., регулярно проводятся заседания Российско-японского консультационного энергетического совета под председательством министров энергетики. Постепенно развивается кооперация России и Японии в научно-исследовательской сфере, касающейся новых энергетических технологий и повышения энергоэффективности ТЭК; есть и проекты по экспорту «зелёного» водорода, который потенциально может производиться в России с использованием мощностей ГЭС и поставляться в Японию морем специально оборудованными для этого газозовами. Вообще,

для продвижения повестки экологически чистой водородной энергетики по инициативе японской стороны в 2017 г. был создан международный «Водородный Совет» – неправительственная организация, объединяющая в своих рядах корпорации и научно-исследовательские организации из Японии, США, стран Западной Европы, Республики Корея, Китая и так далее, ведущие деятельность по разработке и внедрению водородных технологий в энергетике, на транспорте, иных сферах [Hydrogen Council 2021].

Объём накопленных с начала 1990-х гг. японских ПИИ в экономике Китая составляет сегодня примерно 130 млрд долл. США. Из этой суммы около 30 млрд приходится на инвестиции в китайскую энергетику [Kennedy, Goodman 2020], включая строительство и модернизацию топливных электростанций, поставки оборудования для ВЭС, СЭС и ГЭС, участие в проектировании и сооружении электросетевой инфраструктуры местного (распределительные сети) и магистрального (ЛЭП) назначения, поставки транспортного энергетического оборудования, внедрения автоматизированных систем управления. Это далеко не полный список, но необходимо подчеркнуть, что наиболее интенсивным японо-китайское энергетическое сотрудничество было в 1990-е и 2000-е гг., а с 2010-х гг. наблюдается резкое уменьшение числа совместных энергетических проектов. Основная причина – рост конкуренции между китайскими и японскими корпорациями на мировом рынке новых энергетических технологий, а также усиление политических противоречий.

Важным механизмом двусторонней кооперации остаётся ежегодный Японо-китайский форум по энергосбережению и охране окружающей среды. В 2020 г. форум прошёл уже в 14-й раз, и на нём обсуждались вопросы координации усилий по достижению углеродной нейтральности экономик Японии и Китая за счёт широкого внедрения технологий возобновляемой и водородной энергетики, обеспечения лучшей энергоэффективности работы промышленных производств, строительной и транспортной отрасли, сферы услуг. Ключевая задача форума – обмен передовым опытом в сфере стратегического развития энергетики [The 14th Japan-China Forum 2020]. Значительную роль в этом свете играет привлечение японских компаний к инвестированию в перспективные энергетические проекты в рамках китайской инициативы «Один пояс и один путь». Основной акцент идёт на меры по реализации проектов, способствующих достижению углеродной нейтральности. Между китайскими и японскими корпорациями продолжаются переговоры по формированию общего инвестиционного портфеля, который должен обеспечивать деятельность нескольких совместных предприятий по строительству ВЭС и СЭС в странах Юго-Восточной Азии – Таиланде, Вьетнаме, Индонезии и других. Примерный объём таких инвестиций может достигать 1 млрд долл. [Belt and Road Economics 2019, p. 61–64].

Тем не менее вряд ли стоит ожидать серьёзного роста масштабов японо-китайской кооперации в энергетической сфере, поскольку взгляды сторон на этот процесс и его вероятные результаты существенно различаются. Япония стремится к наращиванию своих позиций как лидирующего поставщика новых энергетических технологий в азиатском регионе, в то время как Китай, помимо той же задачи, хочет связать системой контрактов и обязательств потенциальных участников инициативы «Один пояс и один путь», продвигая, таким образом, идею глобализации «по-китайски». В дальнейшем японская энергетическая политика в отношении Китая в большей степени будет реализовываться в научно-исследовательской сфере и также в режиме двусторонних консультаций по актуальным вопросам энергосбережения, энергоэффективности и новых технологий [Xie 2020, p. 15].

Заключение

Учитывая характер и суть энергетической политики Японии в отношении отдельных стран-членов Шанхайской организации сотрудничества, можно выделить три ключевых направления взаимодействия Японии с рассматриваемыми государствами евразийского пространства в целом, помимо традиционной торговли первичными энергоресурсами:

1. Обновление энергетической инфраструктуры, имеющей высокий износ, за счёт поставок японского оборудования и использования японских технологий. Основным получателем японской финансовой и технологической помощи в этой сфере является Узбекистан; японская ассоциация NEDO в конце 2000-х гг. также разрабатывала проект модернизации трубопроводной системы Казахстана, но он остался на бумаге. В 1990-е и 2000-е гг. японские компании модернизировали несколько НПЗ в России, а в Китае участвовали в обновлении электросетевой инфраструктуры мегаполисов.

2. Японские инвестиции в развитие возобновляемой и водородной энергетики, создание совместных предприятий в этой сфере. Здесь у Японии есть положительный опыт сотрудничества практически со всеми странами-членами ШОС, особенно с Индией и Китаем, но это направление в принципе укладывается в парадигму разработки и продажи новых энергетических технологий, чему Япония уделяет особое внимание.

3. Программы обучения в Японии студентов из стран Центральной Азии, России, Китая, Индии и Пакистана по специальностям энергетического профиля. С середины 2000-х гг. растёт число обменных программ между японскими ВУЗами и высшими учебными заведениями центральноазиатских государств. Например, в рамках соглашения по предоставлению стипендий для подготовки кадров между правительством Республики Узбекистан и Японским агентством международного сотрудничества в 2000–2019 гг. в Японии прошли обучение 345 студентов из Узбекистана. Планируется удвоить это число к 2024–2025 гг. [Отчёт по результатам подготовительного исследования, 2020].

Известно, что в Японии ежегодно обучаются студенты из России и Казахстана, несколько сотен студентов из Индии и Китая (точные данные на этот счёт найти сложно) каждый год поступают в японские ВУЗы. Тенденция очевидна – японские достижения в развитии новых энергетических технологий и в управлении энергетической отраслью в условиях постоянного риска возникновения природных и техногенных катастроф являются передовыми, что признаётся во всём мире, а страны азиатского региона зачастую сталкиваются с похожими проблемами, поэтому интерес закономерен.

Также очевидно, что в плане многоуровневого взаимодействия с Японией самые весомые позиции среди всех центральноазиатских государств, входящих в ШОС, имеет Узбекистан. Это обусловлено как его относительно независимой внешней политикой (страна не входит ни в ЕАЭС, ни в ОДКБ – ключевые инструменты российского влияния в ЦА, с осторожностью рассматривает предложения Китая в рамках инициативы «Один пояс и один путь»), так и хорошим потенциалом развития энергетических отраслей и экономики вообще. Уровень жизни населения постепенно растёт, и ёмкий узбекский рынок во всё возрастающей мере становится ареной конкуренции российских, японских и китайских компаний. На 2020-е гг. анонсировано значительное количество совместных японо-узбекских проектов, и Узбекистан имеет все шансы стать примером небольшого евразийского государства, которое

умело балансирует между крупными игроками в регионе и развивает свою экономику, опираясь на технологии и инвестиции сразу нескольких важных партнёров.

Таким образом, несмотря на то, что Япония не имеет единого вектора энергетической политики в отношении ШОС как структуры, есть несколько пересекающихся и затрагивающих все страны-члены Организации принципов, проистекающих из общей стратегии действий японских корпораций на развивающихся рынках (к ним по-прежнему относят и Китай) в условиях изменения мирового технологического ландшафта в энергетике. Тем не менее очевидно, что Япония в принципе выстраивает различные модели кооперации с отдельными странами-членами ШОС, и вопрос о сотрудничестве с Организацией как единой структурой в настоящее время на повестке дня не стоит в основном по геополитическим причинам. Однако в случае изменения внешнеполитической обстановки наработанный опыт взаимодействия между Японией и отдельными странами-членами ШОС может стать важным фундаментом для институционализации уже многостороннего сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Добринская О.А. Осуществление политики «мягкой силы» Японии на примере отношений с Центральной Азией // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С. 7–21.

Ивахненко И. Кашаган – огромные запасы нефти и проблем // Нефть Капитал. 13.07.2020. <https://oilcapital.ru/article/general/13-07-2020/kashagan-ogromnye-zapasy-nefti-i-problem> (дата обращения: 30.08.2021).

Ишекенова Б. Готов ли Казахстан к АЭС? // LS Apparat. 03.09.2021. <https://lsm.kz/skolko-mozhet-stoit-stroitel-stvo-aes-v-kazahstane> (дата обращения: 04.09.2021).

Кадирова З. Япония – надёжный партнёр Узбекистана // Национальное информационное агентство Узбекистана. 28.07.2020. <https://uza.uz/ru/posts/yaponiya-nadezhnyu-partner-uzbekistana-28-07-2020> (дата обращения: 31.08.2021).

Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. № 1. С. 21–47.

Константинов В. Точки взаимодействия // Российская газета. 30.03.2021. <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (дата обращения: 01.09.2021).

Мамадазимов А. Эволюция японского формата «С5 + 1» в сторону глобализации // Central Asian Analytical Network. 14.05.2021. <https://www.caa-network.org/archives/21828/evolyucziya-yaponskogo-formata-s-5-1-v-storonu-globalizaczii> (дата обращения: 01.09.2021).

Нургалиев М. Перспективы Японии в Шанхайской организации сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1(61). С. 109–117.

Отчёт по результатам подготовительного исследования проекта по предоставлению стипендий для подготовки кадров Республики Узбекистан. Июнь 2020 г. <https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12092664.pdf> (дата обращения: 29.10.2021).

Печищева Л.А., Корнеев К.А. Япония и Индия: эволюция формата стратегического сотрудничества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. № 1. С. 139–149.

Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(3). С. 68–85.

REFERENCES

Dobrinskaya, O. (2018). Osuschestvlenie politiki “myagkoi sily” Yaponii na primere otnoshenii s Tsentral’noi Aziei [Japan’s Soft Power Policy: The Case of Central Asia]. *Aktual’nye problemy sovremennoi Yaponii*, 32, 7–21. (In Russian).

Ishekenova, B. (2021, September 03). Gotov li Kazakhstan k AES? [Is Kazakhstan Ready for a Nuclear Power Plant]. *LS Aqparat*. Retrieved September 04, 2021, from <https://lsm.kz/skol-komozhet-stoit-stroitel-stvo-aes-v-kazahstane> (In Russian).

Ivakhnenko, I. (2020, July 13). Kashagan – ogromnye zapasy nefi i problem [Kashagan – Huge Reserves of Oil and Problems]. *Neft Kapital*. Retrieved August 30, 2021, from <https://oilcapital.ru/article/general/13-07-2020/kashagan-ogromnye-zapasy-nefti-i-problem> (In Russian).

Kadirova, Z. (2020, July 28). Yaponiya – nadezhnyi partner Uzbekistana [Japan is a Reliable Partner of Uzbekistan]. *Natsional’noe Informatsionnoe Agentstvo Uzbekistana*. Retrieved August 31, 2021, from <https://uza.uz/ru/posts/yaponiya-nadezhnyy-partner-uzbekistana-28-07-2020> (In Russian).

Kireeva, A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaisko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol’ko gluboko poteplenie i chto za nim stoit? [A New Historic Era in China-Japan Relations: How Deep is Rapprochement and What are the Reasons]. *Japanese Studies in Russia*, 1, 21–47. (In Russian).

Konstantinov, V. (2021, March 30). Tochki vzaimodeistviya [Interaction points]. *Rossiiskaya gazeta*. Retrieved September 01, 2021, from <https://rg.ru/2021/03/30/kak-razvivaiutsia-rossijsko-iaponskie-ekonomicheskie-proekty.html> (In Russian).

Mamadazimov A. Evolyutsiya yaponskogo formata “C5 + 1” v storonu globalizatsii [The Evolution of the Japanese “C5 + 1” Format Towards Globalization]. *Central Asian Analytical Network*. Retrieved September 01, 2021, from <https://www.caa-network.org/archives/21828/evolyucziya-yaponskogo-formata-s-5-1-v-storonu-globalizaczii> (In Russian).

Nurgaliev, M. (2009). Perspektivy Yaponii v Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva [Japan’s Prospects in the Shanghai Cooperation Organization]. *Tsentral’naya Aziya i Kavkaz*, 1 (61), 109–117. (In Russian).

Otchet po rezul’tatam podgotovitel’nogo issledovaniya proekta po predostavleniyu stipendii dlya podgotovki kadrov Respubliki Uzbekistan [Report on the Results of the Preparatory Study of the Project on the Provision of Scholarships for the Republic of Uzbekistan’s Personnel Education]. (June 2020). Retrieved October 29, 2021, from <https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12092664.pdf> (In Russian).

Pechishcheva, L. & Korneev, K. (2021). Yaponiya i Indiya: evolyutsiya formata strategicheskogo sotrudnichestva [India and Japan. Evolution of the Strategic Cooperation Format]. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 1, 139–149. (In Russian).

Streltsov, D. (2020). Rossiisko-yaponskie otnosheniya: dolgosrochnye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors]. *MGIMO Review of International Relations*, 13 (3), 68–85. (In Russian).

* * *

Abbas, N. (2015, October 28). Japan Pursues Technology-for-Energy Diplomacy in Central Asia. *EastWest Institute*. Retrieved September 2, 2021, from <https://www.eastwest.ngo/idea/japan-pursues-technology-energy-diplomacy-central-asia>

Abdullayeva, Z. & Kambaliyev, A. (2021, February 05). Kazakhstan: Oil and Gas Laws and Regulations. *Iclg.com*. Retrieved October 28, 2021, from <https://iclg.com/practice-areas/oil-and-gas-laws-and-regulations/kazakhstan>

Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors. (2019). Washington: International Bank for Reconstruction and Development.

Dadabaev, T. & Djalilova, N. (2021). Connectivity, Energy, and Transportation in Uzbekistan's Strategy vis-à-vis Russia, China, South Korea, and Japan. *Asia Europe Journal*, 19, 105–127.

Hydrogen Council Adds Fourteen New Members. (2021, July 07). *Hydrogen Council*. Retrieved September 3, 2021, from <https://hydrogencouncil.com/en/newmembers-newcochair-july2021/>

Japan Bank for International Cooperation Press Releases (2005-2021 Data). Retrieved September 6, 2021, from <https://www.jbic.go.jp/en/information/press/environment.html>

Japan's Assistance to Pakistan in Energy Sector. (June 2012). Retrieved September 3, 2021, from <https://www.pk.emb-japan.go.jp/JapanPakistanRelations/Energy-Sector.pdf>

Kennedy, S. & Goodman, M. (2020, July 07). Decoupling Kabuki: Japan's Effort to Reset, Not End Its Relationship with China. *CSIS*. Retrieved September 6, 2021, from <https://www.csis.org/analysis/decoupling-kabuki-japans-effort-reset-not-end-its-relationship-china>

Murashkin, N. (2019). *Japan and Central Asia. Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand?* Paris: IFRI Centre for Asian Studies.

Renewable Energy Industry in India. (2021, September 03). *India Brand Equity Foundation*. Retrieved September 7, 2021, from <https://www.ibef.org/industry/renewable-energy.aspx>

Statistical Review of World Energy. (2020). London: BP Energy Outlook Publications.

The 14th Japan-China Energy Conservation and Environment Forum Held. (2020, December 21). *METI*. Retrieved September 8, 2021, from https://www.meti.go.jp/english/press/2020/1221_004.html

Xie, Z. (2020). Energy Insecurity and Renewable Energy Policy: Comparison between the People's Republic of China and Japan. *ADB Working Paper Series*, 1085, 1–17.